

Глава 63: Уверенный

Закончив разговор, он долго не мог заснуть.

Жуань Си встал с кровати, зажег сигарету, включил прикроватную лампу и стал смотреть в ноутбук, прислонившись к изголовью. На прикроватной тумбочке громоздились толстые блокноты, в которых зафиксирован каждый их шаг и каждый след, оставленный в пути. Документальные фильмы делятся на отдельные блоки, и у каждого блока есть свой особый писатель. Их рассказчиком стал Кун Цзябао, тоже любитель. Шэнь Сю, казалось, относился к этой поездке исключительно как к увлечению, а не к соревнованию, о котором говорил сегодня.

Жуань Си потушил сигарету, докурив ее наполовину, сделал перерыв, переоделся и вышел.

В шесть утра здесь еще не светало, но уже чувствовалась жизнь. Жуань Си, одетый в пуховик, спустился по ступенькам и увидел Шэнь Сю, вышедшего в туалет.

— Еще рано, — Шэнь Сю потирал руки в попытке спастись от прохлады. — Куда ты идешь? Сейчас в начальных школах так все строго, что еще до рассвета приходится уходить?

— Тревожно, — Жуань Си похлопал по своим карманам. — Выйду прогуляться.

— Пойдем вместе, — Шэнь Сю на миг задумался.

Они вышли во двор и бесцельно двинулись в сторону луга. Из юрт уже поднимался дым — доярки давно проснулись. Ноги ступали по влажной жухлой траве, над головой виднелись тусклые, почти погасшие звезды. Весь мир хранил тишину, белокрылых орлов не было видно, кончик носа вдыхал холодный воздух, утренний разум был необычайно ясен. Старцы-монголы сидели у входа, держа в руках горячий молочный чай, и, покачиваясь, пели далекие и одинокие мелодии.

— Ты совсем не переживаешь? — Спросил Жуань Си, когда подул холодный ветер.

— Нет, не переживаю, — Шэнь Сю зевнул. — Не стоит трепать себе нервы... Мы изначально снимали потому, что хотели, участие в конкурсе — дело второстепенное. Думал, ты ничего не боишься, что такое, испугался Лао Чэня?

— Говорить, что боюсь, бессмысленно. Даже зная о значительном разрыве, все равно хочется бросить вызов. Я видел фильм, снятый Лао Чэнем раньше, его даже включили в экзаменационное задание в старшей школе. Никому не нужно напоминать мне о его репутации и наградах, достаточно прочитать тексты, чтобы все понять, — он остановился, поднял голову и выдохнул. — Ты чувствовал это раньше? Восхищался ли людьми или работами, но все равно не мог обуздать свой боевой дух? Эти люди или работы настолько превосходны, что ты

воспылаешь энергией, а кровь вскипает, невозможно думать ни о чем, кроме как веры в собственное превосходство.

— Да, — Шэнь Сю кратко отметил. — Но забавно, я тоже часто испытываю это чувство, что-то вроде самоуверенности. В отличие от твоих нескольких, я хочу превзойти только одного.

— Сердце постоянно колотится, — Жуань Си похлопал себя по груди. — Незабываемое чувство.

— Колотится... Ты же не влюбился в старика, да? — Шэнь Сю помолчал несколько секунд.

Жуань Си: ...

— Твой стиль письма необычный, — Шэнь Сю сменил тему. — Сильно отличается от впечатления, которое ты производишь... Нет, скорее, вовсе не соответствует тебе. До того, как отправить тебе письмо, мы фантазировали, как может выглядеть «Выбирающий место», и ты разрушил все наши представления, — Шэнь Сю отступил назад и вперился взглядом в собеседника. — Я выбрал «Выбирающего место» для фильма, потому что твой стиль когда-то приносило мне ощущение спокойствия и умиротворения, как при соприкосновении с землями Синьцзяна. Но потом сценарии рождались, и твой стиль постепенно менялся, казалось, это уже не отстраненные и спокойные мазки, а рьяные и страстные, словно северо-западный ветер, словно крепкий алкоголь, перехватывающий дыхание.

— О, — впервые Жуань Си так открыто рассматривали, он не мог понять, что от него хотели.

Шэнь Сю стоял на месте, не приближаясь, и рассуждал.

— По сравнению с первоначальным стилем, нынешний больше подходит для фильма. Земли Синьцзяна никогда не были однообразными, многонациональность делает их ярче и красочнее. Иногда ты попадаешь в ловушку чувств, когда пишешь, и слова окрашиваются заразительными эмоциями.

— Спасибо, — Жуань Си продолжил идти вперед, медленно поднимаясь по склону, откуда открывался вид на бескрайние просторы.

— У тебя возникла мысль о столкновении с Лао Чэнем не только потому, что вы оба участвуете в конкурсе, но и потому, что твой стиль сформировался, и ты нуждаешься в шансе на прорыв, Лао Чэнь наверняка чувствует себя также, — облачко от теплого дыхания Шэнь Сю подхватывал ветер и уносил прочь. Он медленно остановился на вершине. — Это прекрасная возможность. Последние четыре года ты исследовал себя в своем собственном мире, тебе не хватало серьезного противника. Жуань Си, сейчас ты подобен заточенному мечу, самое время показать свою остроту. Но ты не можешь найти границы, не можешь распоряжаться собой, поэтому и стоишь на месте. Лао Чэнь — лучший учитель.

— Ты решил принять участие только ради... — Жуань Си нахмурился.

— Это так, между прочим, — Шэнь Сю достал портсигар из кармана, протянул одну сигарету собеседнику, прикусил сам и, укрываясь от порывов ветра, взглянул на необъятный мир перед собой. — Группа Цинь Цзуня выбрана потому, что лучше соответствует твоему стилю, так работа станет более «живой». Вы двое неразлучны уже как двадцать лет, вас часто называют братьями, и это именно та связь, в которой я сейчас нуждаюсь. Любое произведение, каким бы оно ни было, прежде всего должно быть наполнено глубокими чувствами. Мои чувства с самого начала вложены в эти съемки, остальное зависит от вас с Цинь Цзуном, — он искоса взглянул на него, сквозь сигаретную дымку. — Вперед, литературный юнец.

Небо в миг озарилось рассветом, солнце вырвалось из тяжелых оков горизонта, и золотистый свет, словно из глубин души, разлился на несколько миль. Ветер пронесся мимо, пронзая затянувшуюся тьму вместе с солнечными лучами. Волосы за ушами развевались, и Жуань Си глядел куда-то вдаль своими яркими глазами. Тепло Баян-Булака с опозданием обуяло его грудь, и на этот раз ускоренное сердцебиение вызвано не просто волнением, а глубоким, смешанным трепетом. Кончики пальцев в кармане по какой-то неведомой причине слегка подрагивали. Изогнутая река вдали в лучах солнца сияла, превращаясь в сияющую ленту.

Казалось, он достиг определенной границы.

Как только наступил май, они втроем вместе с местными родителями отправились на лошадях к Лебединому озеру. Потепление в Баян-Булаке наступало постепенно. К концу июня Жуань Си уже распрощался с малышкой в школе, отказался от небольшого овечьего одеда, подаренного девочкой, продал свой поддержанный мотоцикл, попрощался со старичком директором, сел в машину и вернулся в Урумчи, а оттуда рейсом улетел домой.

Вернувшись домой, он выключил телефон и отключился от интернета, заперся в собственной комнате и безостановочно писал. Накопилось множество материалов, и многое ему предстояло перечитать, дабы запечатлеть в памяти. С задернутыми шторами в комнате стояла темнота, он сидел за столом и как сумасшедший писал, предчувствуя, что вот-вот достигнет границы. Казалось, он сидел в пещере без возможности выбраться.

Но всего через неделю он снова погрузился в тревожное беспокойство. Все рукописи оказались неприглядными, ничто не могло его удовлетворить, и он все также стоял у входа в пещеру, не в силах переступить порог.

Тревога мешала писать, но подступающие сроки подталкивали его. Ручка из раза в раз повторяла штрихи, но он истощил свои силы, не в силах ухватиться за нить.

Слишком тяжело.

Невозможно одолеть.

Почему с каждым разом становится тяжелее?

Повсюду ослепительные мастера, и он рядом с ними подобен светлячку, сжигающему себя дотла. Ему казалось, что он стоит на пустой дороге, кричит в пустоту, постепенно замолкая, потому что не получал никакого ответа.

Как начать?

Не могу писать...

Время не прислушивается к чужим мольбам, оно неумолимо движется, следя лишь своему собственному ритму. Жуань Си терял силы. Он каждый день зарывался в беспорядочную кипу бумаг, не слыша никого, каждый день страдая от боли.

Слишком поздно.

Он собирался упасть на колени перед своими границами.

Он был близок к провалу еще до того, как начал.

Тревожно.

Все больше черновиков оказывалось на полу. Жуань Си, словно зверь, прикованный цепями, рычит и бьется, но никак не может сдвинуть металл ни на йоту. Он не понимал, что сковывает его руки, лишая возможности писать.

Он раздраженно отбросил ручку, откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

Цинь Цзун вернулся поздно. Войдя, он увидел Жуань Чэня, молча смотрящего телевизор. Они поздоровались.

— Он еще не ужинал? — Заметив на кухне тарелку с едой, Цинь Цзун спросил.

— Не выходил, — Жуань Чэн постучал пальцами по обратной стороне пульта. — Как будто не слышал. Сходи, посмотри.

Цинь Цзун постучал в дверь спальни, но никто не ответил. Он тихонько приоткрыл дверь, вошел и заперся изнутри. В комнате не горел свет, было совершенно темно. На кровати никого не оказалось, зато за письменным столом, свернувшись калачиком, сидел человек.

Цинь Цзун подошел и заметил, что Жуань Си уснул, склонившись над столом. Он поднял его и

уложил на кровать, и человек, лежащий на его руках, шевельнулся и обнял его за шею.

Не спит.

Цинь Цзун изменил позу и вытянул ноги, чтобы Жуань Си мог полностью прижаться к нему. Следом он ласково погладил по спине.

— Ты голоден?

Жуань Си покачал головой.

Цинь Цзун положил руки ему на плечи, массируя с нужной силой.

— Ты весь день был в комнате?

Жуань Си постепенно расслаблялся во время массажа, напряженные нервы успокаивались. Он прижался щекой к груди и, открыв глаза, посмотрел в окно.

— Я сомневаюсь в себе... Никогда прежде мне не приходилось так тяжело, — вяло произнес он.
— Я больше не могу писать, Цинь Цзун.

— Ты прошел долгий путь в одиночку, — Цинь Цзун запустил пальцы в его вьющиеся волосы и нежно погладил. Они, будто маленькие зверьки, прижимались друг к другу, перешептываясь в уголках джунглей.

— Я думал, впереди еще долгий путь, — Жуань Си от приятных поглаживаний заурчал, едва сощурившись.

— Конечно, так и есть. Просто ты неосознанно бежишь сломя голову.

— Я хочу преодолеть это как можно скорее, — Жуань Си прислушивался к ровному сердцебиению под собой. — Я больше тебе не нравлюсь.

Цинь Цзун на мгновение замолк, его пальцы откинули волосы, открывая лоб и брови.

— После преодоления этого этапа ты станешь другим собой. Ты постоянно меняешься со временем, тебе всегда нужно идти вперед... Это дается с трудом? — Он опустил глаза и посмотрел на него.

— Да, — Жуань Си устало закрыл глаза.

— На самом деле, нет. Ты все такой же, как был. Ты наслаждаешься процессом письма, от начала и до конца, ни капли не изменился, — он соскользнул вниз и уложил Жуань Си рядом.
— Пожми руку и помирись с собой.

Пожми руку и помирись с собой.

Пусть все чувства прошлого, настоящего и будущего сольются воедино в одной ручке, благодаря любви. Владей, наполняй и люби ее из года в год, и тогда никаких трудностей не будет.

Жуань Си заснул.

Утром шторы были не задернуты, и солнечный свет заливал всю комнату. Цинь Цзун, завернувшись в одеяло, все еще дремал. Жуань Си надел его рубашку, шорты и, скрестив ноги, уселся в кресло-мешок на балконе. Пальцы быстро бегали по клавиатуре, и количество слов в документе неумолимо увеличивалось.

К черту соревнование.

Ничто не имеет значения.

Самое драгоценное: солнечный свет, порхающие пальцы и спящий человек на кровати позади.

Написанное должно отображать идею «я хочу писать, поэтому пишу». Он спокойно оглянулся назад, на следы, оставленные в каждом уголке Синьцзяна за последние четыре года. Каждый след хранил разные эмоции, и все они принадлежали ему. Ему не нужно пугаться или волноваться, просто сосредоточиться на острие пера и откровенно выражать собственные чувства.

Будь то изысканная заумная речь или непритязательная бессмыслица, все слова, что способны оставить след в сердцах людей, искренние.

Это Жуань Си.

А также «Выбирающий место».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14917/1578670>